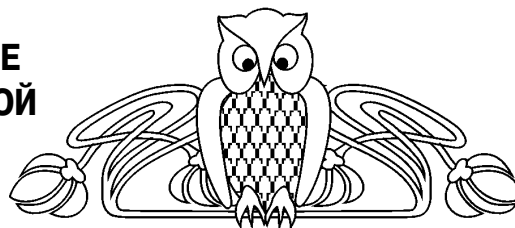

УДК 821.161.1.09-4+929[Соснора+Иван IV]

«ДВЕ МАСКИ» ИОАННА АНТОНОВИЧА В ЭССЕ ВИКТОРА СОСНОРЫ: ПРИНЦИПЫ АВТОРСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В. В. Биткинова

Биткинова Валерия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, bitkinova@mail.ru

В статье рассматриваются различные приёмы конструирования образа Иоанна Антоновича в эссе В. Сосноры «Две маски». Главным предметом анализа являются принципы авторской трансформации исторических и историографических источников, в качестве которых выступают труды учёных второй половины XIX в. В. А. Бильбасова и С. Н. Шубинского.

Ключевые слова: В. А. Соснора, историческое эссе, исторический источник, историографический источник, Иоанн Антонович.

'Two Masks' of Ioann Antonovich in Viktor Sosnora's Essay: Principles of the Author's Interpretation of Historic and Historiographic Sources

В. В. Биткинова

Valeriya V. Bitkinova, ORCID 0000-0003-4594-4083, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, bitkinova@mail.ru

The article considers different techniques of constructing the image of Ioann Antonovich in V. Sosnora's essay *Two Masks*. The article mainly analyzes the principles of how the author transforms historic and historiographic sources, presented by the works of the second half of the 19th century scientists V. A. Bilbasov and S. N. Shubinsky.

Key words: V. A. Sosnora, historic essay, historic source, historiographic source, Ioann Antonovich.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-331-337

Историческое эссе В. Сосноры «Две маски» посвящено «заговору» подпоручика Василия Миновича, пытавшегося в одиночку освободить из крепости и возвести на престол свергнутого двадцать три года назад Иоанна Антоновича. Основная работа над эссе, очевидно, пришлась на 1968 г. – это зафиксировано в переписке автора с Л. Ю. Брик¹. По письмам можно предполагать, что задумано было одно большое произведение, но окончательным результатом стала своеобразная трилогия повестей-эссе «Державин до Державина», «Спасительница отечества», «Две маски», полностью опубликованная только в книге «Властители и судьбы» 1986 г., и ряд исторических миниатюр, вошедших в авторский цикл «15».

Раньше других, в журнале «Аврора» 1976 г., были напечатаны «Две маски». В письмах нашли

отражение цензурные перипетии, а также недо-вольство автора вышедшим в итоге текстом повести: «Кастрированная ровно наполовину (конечно же, кастрированы куски лучшие), остался какой-то абсурдный трактат с диалогами, дикость <...> (а читатель, как всегда, мистифицирован!)»². В «Авроре» было опубликовано только то, что непосредственно относится к «шлюссельбургской нелепе» (как назвала случившееся Екатерина II). Исключены большие фрагменты, расширяющие за счёт предыстории и аналогий исторический контекст, а также вымышленные гротескные подробности, подчёркивающие именно нелепый характер «заговора». Задача тех и других – выявить суть произошедшего, характер царствования Екатерины, а в пределе – смысл конфликта «властители и судьбы». Поэтому автор и мог назвать их «лучшими кусками», без которых произведение превращалось в «трактат», т. е. наукообразное изложение событий, лишь расцвеченное «диалогами».

Метод Сосноры во всех исторических произведениях одинаков. Но в «Двух масках» открыто явлена основа метода – противопоставление «официальной историографии» и альтернативной авторской «версии» событий. Этим определяется композиция эссе, в двух частях которого представлены противоположные «маски»-интерпретации главных участников и жертв «шлюссельбургской нелепы»: «Версия первая: Смерть сумасшедшего и казнь авантюриста», «Версия вторая: Смерть узника и казнь поэта», – а на стыке частей заявлен ключевой тезис: «Все факты остаются. Факты – важны. Но не менее важна и трактовка фактов»³. В других произведениях композиционная реализация сопоставления более прихотлива; возможно, это связано с тем, что «Две маски» как самостоятельный текст были оформлены раньше. Отметим, что в журнале «деklarация метода» несколько сглажена: в заглавиях частей опущены слова «версия первая – версия вторая», знаменательные составляющие заглавий предваряются многоточием, что вносит, вместо гротескной публицистичности, некую «лирическую» ноту; являющаяся точкой полемического отталкивания фраза «все факты остаются» повторяется не три, как во «Властителях и судьбах», а только два раза; отсутствие вводной главы исключает приём демонстративного повторения в начале второй части бесспорных «фактов» – основных дат биографии Иоанна.

В тексте эссе содержатся указания на некоторые источники: статью «Император Иоанн Антонович» в «Русской старине» 1879 г.⁴, статью В. А. Бильбасова «Шлюссельбургская нелепа» в «Историческом вестнике» 1888 г.⁵, роман Г. П. Данилевского «Мирович», план романа Г. Ф. Квитки-Основьяненко, опубликованный в «Русском архиве» 1863 г.⁶. Обращение к этим материалам позволяет по ссылкам и цитатам выявить целый ряд других – не названных, но, без сомнения, использованных автором аналогичных источников. В 2004 г. в разговоре с В. Овсянниковым Соснора объяснял, чем его привлекали такие издания, как «Русская старина»: «Там фактологическое, и слог отличный»⁷. Полная публикация документов, сохраняющая особенности стиля авторов, насыщенность деталями позволяли выстроить на основе этих материалов действительно необычный метод исторического повествования – в пределе сводимый к чистому «монтажу» цитат, где факты будто бы говорят сами за себя.

Жанр повести-эссе не предполагает точных ссылок. Мало того – точная информация об источниках используется Соснорой для создания эффекта, который лучше всего назвать «квазинаучностью»: подчеркнутая имитация научного стиля служит в итоге развенчанию недостоверности документов. Так, уже указание дат учёных публикаций второй половины XIX столетия, отражающих события времён Екатерины II, призвано создать картину более чем вековой лжи: «Группа историков “Русской старины” (XIX век, журнал по истории России) девять лет (1870–1879) занималась беспристрастным исследованием документов семьи Иоанна Антоновича <...> Это синтез и анализ через сто пятнадцать лет» (153–154) или «Бильбасов писал в 1888 году, через сто двадцать четыре года после казни Мировича» (227). При этом труды «предшественников» Соснора пересказывает отнюдь не объективно: тенденциозно смещает акценты, в ряде случаев трансформирует факты и искажает выводы.

Основой «версии официальной историографии» являются материалы «Русской старины». При всей ценности опубликованных документов аргументация и особенно выводы, направленные на доказательство неспособности Иоанна не только управлять государством, но и вообще «самостоятельно пользоваться правами простого гражданина»⁸, действительно кажутся одиозными. Так, непосредственно повествование о нём начинается с очерка, озаглавленного «Наследственное слабоумие в потомстве царя Иоанна Алексеевича». При этом в традициях историографии XVIII–XIX вв. примеры из отечественной истории подкрепляются аналогиями из мировой: от Клавдия и Нерона (с которым сравнивается Иван Грозный) до «династии французских Мервингов», «шведского <...> в особенности же Испанского» королевских домов⁹. Соснора, сокращённо изложив этот обширный перечень

врождённых дефектов и пороков предков, сестёр и братьев Иоанна, цитирует финальный вывод историка: «Достаточно, наконец, взглянуть на силуэты этих несчастных, чтобы по профилям, по неправильной форме голов их догадаться о врожденном их слабоумии» (154)¹⁰.

В свете методологии второй половины XX в. подобные построения сами по себе могут стать предметом иронии, Соснора же подчёркивает её указанием на якобы использованные его предшественниками научные методы («синтез и анализ») и такими оценками, как «беспристрастное исследование», «объективные выводы» и т. п. Впечатление исторической несправедливости усиливает и своеобразная гиперболизация изученности вопроса: в качестве субъекта оспариваемых концепций в эссе представлен не единственный автор конкретной статьи, а некая «комиссия по генеалогии» или «группа историков», которая «девять лет занималась <...> исследованием документов семьи Иоанна Антоновича» (т. е. будто бы только им). Между тем пересказанный Соснорой абзац в оригинале выглядит иначе: «С первого года и в течение последующих девяти лет издания “Русской Старины”, было напечатано на её страницах несколько монографий, эпизодических рассказов и материалов, имевших прямое или косвенное отношение к эпохе правительницы Анны Леопольдовны и к дальнейшей участи злополучного её семейства»¹¹, – а приведённый перечень включает всего четырнадцать статей, большинство из которых лишь косвенно относятся к царственному узнику.

Важную роль в создании маски «сумасшедшего» и одновременно в выявлении именно масочной природы такой интерпретации¹² играет эволюция образа Иоанна во второй (в журнале – первой) главе. «Реалистичность», психологичность, даже лиричность постепенно сменяются фантазмагоричностью и остранённостью.

Начало главы можно воспринять как внутренний монолог самого узника: «Шлиссельбург. Опять одиночка. Крепость, церковь, крест, колокола, офицеры караула, какие-то комедианты. Одно зарешеченное окошко <...> железная койка, табурет, Библия, деревянный люк в полу – уборная. В блюдечке – свеча, над свечой трепещет ночная бабочка, вот и бабочка прилетела, потрепетала и уснула, на подоконнике, что ли, – живое существо» (152). Здесь не только наблюдения, но и оценки («какие-то комедианты»), размышления («что ли – живое существо»). Набор образов отличается предельной одушевлённостью, если не одухотворённостью: церковь, крест, колокола, Библия, свеча, бабочка (психея, душа, «живое существо» в мёртвой обстановке тюрьмы). В журнале фигурировал ещё «ангел-хранитель»¹³, но так как он был прикреплен на крепостном шпилье, то его образ приобретал иронически-негативный подтекст – «охранник».

Далее Иоанн из субъекта становится объектом характеристики, причём номинации вы-

страиваются по линии утраты не только черт духовности, но и вообще человечности: «Иоанн» – «император» – «перестал быть человеком в настоящем смысле этого слова, – просто существо, оно» – «несчастный дегенерат» – «кошмар животного существования»; в журнале ряд замыкало «неандертальство»¹⁴. Однако, по-видимому, главная задача автора в данном фрагменте – объяснить объективными причинами «уродство» героя («искалеченный двадцатью годами тюрьмы» и т. п. (153)), и общий тон повествования можно охарактеризовать как сочувственный по отношению к узнику.

Затем в книге следует уже упомянутый патолого-генеалогический экскурс (в журнале сокращённый до якобы вынесенного историком вердикта о гражданской неполноценности Иоанна). После этого – через цитаты показаний тюремщиков – повествование формально переходит на точку зрения недоброжелателей бывшего императора: коменданта Овцына, надзирателей Власьева и Чекина, а также самой Екатерины. В их интерпретациях Иоанн всё больше утрачивает человеческие и приобретает гротескно-отталкивающие черты: отказывается мыться, ест мыло и пауков (которых разводит в углу, где висит икона), ловит и вешает крыс, давит на листах бумаги мух и любуется этими «красивыми картинками». Неприятными чертами наделяется портрет: вместо не знавшего в двадцать четыре года бритвы «белого и нежного», как у «девушки-монахини», лица (153), появляется красный нос «в склеротических прожилках», а тонкость кожи делает лицо похожим на «оскаленный череп» (155–156). Особенно акцентируются умственная неполноценность, отсутствие даже тени духовности и агрессивность: «Читать он не умел, сколько его ни учили. Он запомнил какую-то молитву и шептал её постоянно, задыхался, челюсти сводили судороги, он плакал <...> Он бросался на всех» (156).

Но заключающая в себе все чужие «голоса» авторская система оценок постепенно делается всё более заметной. То, что поначалу могло казаться подлинным авторским мнением: согласие с Екатериной в том, что Власьев и Чекин – «двое честных и верных гарнизонных офицеров» (155), уверения «Им можно верить. Им нет смысла лгать. Их служебная совесть чиста» (155), – обращается сарказмом¹⁵. Образы мучителей становятся гипертрофированно положительными: «сентиментальные» тюремщики («Власьев и Чекин трепетали перед Иоанном: зажигали свечи и молились» (155), «исполнительные мученики <...> сдерживали слёзы страха и сострадания» (156)), Екатерина, чья чувствительность («Аудитория потрясла и расстроила императрицу» (156)) ограничивается лишь необходимой государственной мудростью («беспристрастием»).

Поэтапное развенчание свидетелей не просто уничтожает показания, но раскрывает сами механизмы создания лживых свидетельств и

формирования (а значит, и возможного в будущем разрушения) иллюзии достоверности. Доверие к Власьеву и Чекину должно было обеспечиваться их безупречной служебной репутацией, а затем патриотизмом и личной деликатностью: якобы они «постеснялись рассказывать на суде подробности помешательства Иоанна. Слишком вопиющие факты идиотизма компрометировали всю царскую семью. Но впоследствии, в домашней обстановке, они рассказывали следующее. Молва распространила их достоверные рассказы по всей России» (155). Если в «чистоту служебной совести» на какое-то время можно было верить, то «стеснительность» и «домашность» стилистически уже плохо вяжутся с образом тюремщиков – приём уничтожающей иронии становится очевидным. Ещё один выявленный Соснорой эффективный механизм искажающей исторической памяти – особое пристрастие людей к неофициальным источникам, а значит, недоверие к официальным.

В качестве резюме «официальной» версии личности Иоанна Соснора использует цитату из статьи Бильбасова: «Таков был Иоанн Антонович. Безвинный, безобидный для общества, ни на что не способный, он родился, жил и умер коронованным мучеником деспотизма. С колыбели до могилы <...> он всегда был только слепым бессознательным орудием политических страстей: никто не хотел в нём видеть человека, для всех он был политическим “фантомом”»¹⁶ (157). Но этот пассаж, в оригинале исполненный гуманизма, предваряется тоже цитатой – составленной частично из слов собственноручного манифеста Екатерины, частично – из слов приписываемого ей же памфлета против европейского осуждения убийства невинного узника¹⁷. И слова императрицы представлены у Сосноры как результат интеллектуальной деятельности, в выражениях, обычно используемых для описания научных штудий: «Анализируя допросы свидетелей, свои личные впечатления и слухи, Екатерина написала объективное объяснение смерти Иоанна Антоновича» (157).

Задача Сосноры – не выстраивание объективной «истории изучения», а конструирование некоей «официальной» концепции, которая станет объектом полемики. Поэтому приводимые в эссе цитаты не отражают различия мнений Шубинского и Бильбасова, а суждения официального лица, перетекающие в выводы профессионального и весьма авторитетного историка, завершают образ «официальной историографии».

Глава об Иоанне во второй части «Двух масок» – последовательное опровержение всех выводов «официальной версии». Сначала критически рассматривается идея наследственного слабоумия, а большую часть занимает разоблачение доводов Екатерины, позволивших ей обойтись с соперником как с безумцем и в конце концов умертвить. Опровержению подвергаются два главных тезиса, содержащихся в правительственном манифесте, – о сумасшествии и о косноязычии.

Главным способом развенчания генеалогических построений Шубинского Соснора делает своеобразное развитие его же метода исторических аналогий. Недостатки, якобы доказывающие слабоумие предков свергнутого императора, обнаруживаются у многих деятелей мировой истории, в том числе гениев: «плохо видел» Гомер, «в предрассудках и суевериях выросли Архимед, Спиноза, Кант, Лейбниц, Локк, Ломоносов» и т. д., «вздорны, беспокойны были Микеланджело, Гойя, Лев Толстой, Бетховен, Гюго, Бернард Шоу, Рабиндранат Тагор», «Паганини был уродлив <...>, Байрон был калека, Сервантес – тоже. Тургенев до обмороков боялся вида крови <...> Бетховен был глухой, а Фонвизин паралистик» (183–185). Все эти списки как количественной, так и качественной «гиперболичностью» производят поначалу убедительное, а затем скорее гротескное впечатление, и гротеск обнаруживает абсурдность не только выводов «исторической комиссии», но и путей их получения.

Другой способ можно назвать «лингвистическим». Играя на разнице значений слов в XVIII, XIX и XX вв., а главное – на ощущении чуждости, «неправильности» языка прошлых столетий, Соснора доказывает явную абсурдность ряда аргументов своих предшественников: «“Слабоват умом” – суффикс “ат” вообще имеет только литературно-художественное значение, когда нужно сказать что-то приблизительное», «“Очень робкий” или “очень смелый” – пустословие. Гораций был “очень робкий” – он бросил щит на поле боя и убежал писать стихи. Герострат был “очень смелый” – он сжёг прекрасный храм, только чтобы прославиться»; «цингой он [Иван Алексеевич] болел не потому, что был глуп», «самый сильный аргумент не в пользу Антона-Ульриха – “белолицый”» (183–185). Во всех случаях отмечается крайняя субъективность исторических свидетельств: «“Пустая, избалованная барышня” <...> Так можно сказать о любом, кто тебе не нравится» (184), «“Скорбен головою и слабоват умом” – так говорят о любом, кто не согласен с моим мнением» (185). Но особо подчёркивается субъективность, ведущая к сознательной подтасовке информации в политических целях; в таком контексте действия Екатерины по отношению к Иоанну Антоновичу представляются частным случаем стратегии всех вообще узурпаторов: Иван был «от природы скорбен головой» «только потому, что, как старший брат, он должен был стать императором, а стал Пётр I, младший» (183); «Чтобы доказать глупость Петра III, Екатерина писала, что он “любил устриц”!» (184).

Далее до самого конца глава об Иоанне во второй части эссе характеризуется почти полным отсутствием элементов беллетризации (имитации психологизма, диалогов) – только выдержки из документов и публицистические комментарии к ним. Так, Соснора цитирует донесения одного из самых добросовестных тюремщиков – коменданта

Овцына, и уличает Екатерину в том, что она искажала их смысл: умалчивала о сомнениях, не «притворничествует» ли арестант, а также о том, что до «беспокойства» «его всегда доводят офицеры, которые его дразнят»¹⁸ (186; все графические выделения здесь и далее принадлежат Сосноре).

Одним из приёмов публицистического заострения служит резкая – на фоне предшествующих дословных – модернизация стиля последних «цитат». Сообщение о состоянии здоровья узника входило в обязанности коменданта, а добросовестная осторожность вкупе с исполнительностью заставляли его писать: «А в поступках также как и прежде не могу понять воистинну ль он в уме помешался или притворничествует <...> Опасаюсь чтобы не согрешить ежели не донести, что он в уме помешался, однакож весьма сомневаюсь, потому что о прочем обо всем говорит порядочно»¹⁹. Но Сосноре важно доказать, что главной, если не единственной, причиной мушкетирования сведений о физической и умственной болезненности Иоанна было желание сначала Елизаветы, потом Екатерины дискредитировать политического конкурента, поэтому он уличает (прямо указывает на «лицо») власть в «провоцировании» к искажению фактов и как будто бы с той же целью «выпрямляет» витиеватый слог Овцына: «Если Тайная канцелярия подозревает, что узник помешался, может быть, он и помешался, только тщательно скрывает свой психоз. Но, может быть, он и не помешался, а притворяется» (186).

Простой доклад коменданта о том, что арестант схватил его за рукав «так, что тулуп изорвал»²⁰, Соснора разворачивает в сцену с диалогом (единственную в главе). Но, главное, он заставляет Овцына «в смятении <...> рассуждать»: «Иоанн или помешался, или высок и горд духом: он не побоялся оторвать рукав у коменданта, от которого зависит многолетнее его (Иоанна) благосостояние» (187). Наконец, в донесениях Овцына нет прототипических слов следующей «цитаты»: «Но арестант всё время здоров и физически развит, даже больше, чем положено узнику, не занимающему физическими упражнениями» (186). Их скорее можно найти в выводах Бильбасова, например: «Это был юноша здоровый <...> насколько может быть здоров человек, всю жизнь прошедший в заточении, лишенный воздуха, движения»²¹, – и, безусловно, это один из ключевых тезисов самого Сосноры. Таким образом, не только реплики исторических лиц могут свободно перераспределяться между ними, но и слова позднейших исследователей приписываются участникам событий, т. е. участники, свидетели и историки выступают в эссе как «персонажи», причём одного порядка. И если суждения учёных XIX в. вписываются в концепцию Сосноры, они включаются не в очерк «официальной историографии», а в авторский текст – без кавычек и ссылок.

Заметим также, что Иоанн у Сосноры не просто «реабилитирован» в своих положительных

качествах – они все гипертрофируются. Бильбасов отмечал, что в прижизненных донесениях «ни разу не упоминается ни о болезненных явлениях, ни о физических каких-либо недостатках», но, опираясь также на свидетельства очевидцев, писал: «Это был юноша средняго роста, довольно слабого сложения»²². Соснора же утверждает, что Иоанн был «физически развит» (186), «не просто сильный, а – очень сильный» (187). Приводя (очевидно, по статье Шубинского) воспоминания барона Ассенбурга, посетившего узника вместе с Петром III: «Иоанн был очень белокур, даже рыж, роста среднего, очень бел лицом, с орлиным носом, большими глазами», – Соснора комментирует: «Он описывает красавца! – орлиный нос, большие глаза, рыжие кудри» (190). Важнее явного преувеличения положительной оценочности здесь приём неполного цитирования, в котором автор эссе до этого уличал своих противников: фраза Ассенбурга в источнике заканчивается словами «и заикался»²³, а Соснора, убирая их, утверждает обратное: «Ни слова об отваливающейся челюсти» (190). Бильбасов сомневался в косноязычии, на котором, уже после смерти арестанта, настаивали Власьев, Чекин, а также официальный манифест²⁴: «Косноязычие – недостаток выдающийся, заметный», однако те, кому довелось говорить с Иоанном, не замечали его. Соснора расширяет представленный учёным XIX в. список очевидцев, в частности за счёт «ста тридцати семи несчастных полицейских» в Холмогорах, и подытоживает: «Более ста пятидесяти свидетелей в течение двадцати лет! – никто не заметил, что Иоанн Антонович был косноязычен» (191).

В донесениях Овцына одним из доказательств помешательства выступает суеверность узника: «...что его портят шептаньем, дутьем, пусканьем изо рта огня и дыма». Эта черта рассматривается как важная характеристика в трудах не только предвзято настроенного Шубинского, но и лояльного Бильбасова, однако Соснора её принципиально игнорирует. Бильбасов не сомневался в природных способностях Иоанна и в том, что он был грамотен: «Честный Миллер <...> научил его, еще в Холмогорах, русской азбуке. Он читал книги духовнаго содержания. В Шлюссельбурге, во время споров с Овцыными, он “доказывает евангелием, апостолом, минеею, прологом, маргаритою и прочими книгами” <...> У него была хорошая память: <...> он “сказывает в котором месте и в житии которого святого” находится приводимый им факт»²⁵. Однако историк XIX в. игнорирует «догадку» Мировича (от которой он сам отказался на следствии), что арестанту «по случаю комендант <...> и газеты читать носит»²⁶. Соснора же утверждение о газетах подаёт как полученное не из вторичного, а из первичного источника, т. е. как истинное: «Комендант Бередников писал, что он “читал газеты”» (191), – а чтение священных книг комментирует так: «Нужно было знать по крайней мере два языка: современный русский и церковно-

славянский» (191). Частые ссоры с тюремщиками для Бильбасова служили основой вывода, что «по развитию, Иван III и в 24 года был совершенный ребенок, но ребенок раздраженный, нервный: “нрава он был весьма сердатаго, свирепаго и горячаго, никакого противоречия не носил”»²⁷, а Соснора, как мы видели, приписывает Овцыну мысль о том, что «Иоанн <...> высок и горд духом» (187).

Возможно, читателей, которым предназначалась «екатерининско-державинская книга» в 1968 г. или «повесть о Мировиче» в 1976 г., должна была, главным образом, поразить альтернативная версия о руководящей роли Екатерины II в судьбе и посмертной репутации Иоанна Антоновича. В. И. Новиков даже в 1988 г. отмечал: «Сейчас через литературу прежде всего утоляется читательская жажда информации, которой так долго не хватало и которая многие годы сознательно от нас утаивалась». Характеризуя сюжет и авторскую интенцию «Двух масок», критик писал о «смелой догадке»: «Безрассудный поступок Мировича был, по сути дела, спровоцирован Екатериной <...> В свете такой версии по-новому выглядят многие факты <...> Сюжет выстроился стройный и внутренне логичный <...> Важно, что могло быть. А насколько могло – решайте сами, сопоставляя обе версии “Двух масок” <...> перечитывая и осмысливая всю нашу российскую историю»²⁸. Однако на фоне историографических источников «версия» Сосноры не является новой.

Сразу после смерти Иоанна в европейской печати появились слухи о виновности высокопоставленных лиц. Статья «Русской старины» во многом и направлена на опровержение «клевет Сальдерна, Кастеры и прочих иностранцев»²⁹. А в трудах Бильбасова уже содержится большая часть наблюдений, выводов и даже оценок, которые в «Двух масках» представлены как антитеза «официальной историографии». Например, по мнению Бильбасова, то, что в ответ на издевательства узник пытался бить Власьева и Чекина, – «верный признак, что он был в полном уме»³⁰; «Более нормальную реакцию нормального человека трудно себе представить в такой ситуации» (188), – пишет Соснора. Самым циничным не столько со стороны императрицы и «недоразвитых офицеров», сколько со стороны историков, является, по Сосноре, приведение в доказательство безумия того, что «безымянный колодник» «в припадках бреда называл себя императором» (188). Но на нелепость этого аргумента обращал внимание и Бильбасов, правда, для него важнее был сам факт осведомлённости Иоанна «от родителей» и «от солдат», что он «здешней империи государь»³¹. Бильбасов задолго до Сосноры доказывал, что «к Ивану Антоновичу Екатерина отнеслась именно не так, как к сумасшедшему»³², обращал внимание на то, что в случае опасной болезни официальная инструкция позволяла допустить к узнику священника, но «вопрос о докторе, о лечении, устранен впол-

не»³³. То есть историк XIX и писатель XX в. не противостоят друг другу в главном: живой Иоанн был соперником Екатерины, и она «озаботилась»³⁴ его устранением, а посмертная репутация сумасшедшего во многом была попыткой убийц оправдать свои действия³⁵. Характеристики похожи даже словесно, Соснора, в сущности, только заостряет оценки предшественника, например: «Показания Власьева и Чекина, двух офицеров, убивших Ивана и, следовательно, свидетелей пристрастных»³⁶ и «Они – убийцы. Они – свидетели пристрастные. Им нужно оправдаться во что бы то ни стало» (188–189).

Особо следует отметить, что в эссе Сосноры практически не нашли отражения затронутые в историографических трудах конца XIX в. проблемы свободы обсуждения и освещения важнейших политических событий, общественного мнения как фактора, сдерживающего произвол правителей. Даже Шубинский считал: «Главнейшая ошибка нашего правительства заключалась в облечении таинственностью несчастного Иоанна Антоновича, благодаря которой иноземцы видели в этом патологическом субъекте загадочную личность, нечто в роде “железной маски”»³⁷. Разбирая написанные по следам манифеста о казни Мировича «Заметки свободного англичанина» и «Ответ русского, не свободного, через-чур свободному англичанину», Шубинский безусловно находится на стороне последнего, но само противопоставление «свободной» европейской и «не свободной» русской печати заявлено.

Ещё больше внимания данной проблеме уделяет Бильбасов: «Общественное мнение Англии, Франции, Германии не имело причин ни скрывать своего негодования по поводу зверского убийства ни в чем неповинного юноши, ни лицемерить в оценке тенденций, исповедуемых составителями манифеста <...> Екатерина, обманутая молчанием России, увидела <...> что с общественным мнением приходится считаться даже самодержавцам»³⁸. Опровергая мнение иностранца о русских как о «нации, не охотно упускающей всякий случай проявить свое зверство»³⁹, историк принципиально разводит ответственность народа и правительства: «Не только народ, даже общество русское не имело возможности ни выражать свои взгляды, ни тем менее влиять на правительственные распоряжения. Мы до сих пор еще [т. е. больше, чем через сто лет] не имеем русских слов для выражения понятий о “протесте”, об “оппозиции”»⁴⁰.

Можно предположить, что вариации на подобные темы, даже под прикрытием истории и осуждения самодержавия, не смогли бы свободно пройти в печать. Однако анализ творчества Сосноры показывает, что здесь важнее фактор индивидуальной исторической концепции. Хотя у автора и присутствует тема лжи и лицемерия «властителей» (в случае с Екатериной II это неотъемлемая часть исторической мифологии), но отношение к коллективной оппозиционности, в том числе к

общественному мнению, у него скорее негативное: участники всех бунтов (дворцовых переворотов) показаны как ведомая, часто равнодушная масса. Структурообразующей в исторических эссе является тема индивидуального противостояния, трагической гибели одинокой, преимущественно творческой, личности. В «Двух масках» эта роль, безусловно, принадлежит Мировичу – «поэту» и художнику, в альтернативной авторской версии. Иоанну же приписаны – в гротескной первой части и, очевидно, в глазах тюремщиков – только извращённые творческие порывы в виде «красивых картинок» из раздавленных мух. Но объединение в одном сюжете с Мировичем, а также отдельные мотивные переключки его образа с образами Державина, Петра III (скрипача и артиста) делают его представителем именно этой группы жертв. Конфликтом выдающейся личности и власти, а не только желанием противопоставить «официальной историографии» максимально контрастную версию, можно объяснить и последовательную, идущую вразрез с источниками идеализацию «несчастнорожденного» Иоанна.

Примечания

- 1 См.: Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик / публ. Я. Ананко // Звезда. 2012. № 2. С. 119–122 (Письма от 3.06.1968, 20.09.1968).
- 2 Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик / публ. Я. Ананко // Звезда. 2012. № 3. С. 156–157 (Письмо от 14.09.1976).
- 3 Соснора В. Властители и судьбы : Литературные варианты исторических событий. Л., 1986. С. 182–183. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в статье с указанием страниц в скобках.
- 4 См.: [Шубинский С.]. Император Иоанн Антонович // Русская старина. 1879. Т. 24. С. 497–508 ; Т. 25. С. 291–306, 495–514. Автор публикации указан по библиографии к статье : В. Р-вь [Рудаков В.]. Мирович // Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 19 (37) : Мекенен – Мифу-Баня. СПб., 1896. Стлб. 423.
- 5 См.: Бильбасов В. Шлюссельбургская нелепа // Исторический вестник. 1888. Т. 32. С. 265–301. Анализ исторических эссе Сосноры позволяет говорить о том, что он обращался и к другим работам историка. Заговор Мировича отражён в подготовленном в 1891 г., запрещённом русской цензурой и вышедшем позже в Берлине втором томе фундаментальной «Истории Екатерины Второй» (См.: Бильбасов В. История Екатерины Второй : в 2 т. Берлин, 1900. Т. 2.), а также фрагментах из него, изданных в виде статей и отдельных публикаций.
- 6 См.: [Квитка-Основьяненко Г.]. План романа из жизни Мировича и записка о нем Г. Ф. Квитки (Основьяненка) // Русский архив. 1863. Т. 1. С. 160–170.
- 7 Овсянников В. Прогулки с Соснорой. СПб., 2013. С. 521
- 8 [Шубинский С.]. Указ. соч. Т. 24. С. 503.
- 9 Там же. С. 498.
- 10 Там же. С. 502.
- 11 Там же. С. 497.

- ¹² Образы Сосноры в соотношении с понятием «масочности» требуют специального рассмотрения в теоретическом аспекте. В данной статье – при анализе комплекса приёмов конструирования образа исторического деятеля в свете принципиальной для автора идеи о субъективности любой интерпретации – в слове «маска» важны значения отличия от сущности, внешней «надетости», возможности смены. Именно такое значение предполагается заглавием эссе, и именно этот «странный эффект» был отмечен современным автору критиком: «Под масками, обнаруженными писателем, мы не видим подлинных лиц. Мы созерцаем лишь иные маски» (*Латынина А.* Знаки времени : Заметки о литературном процессе. 1970–80-е годы. М., 1987. С. 248).
- ¹³ *Соснора В.* Две маски // Аврора. 1976. № 10. С. 31.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ В. И. Новиков в рамках «концепции взаимосвязи между личностью художника и его доминантным творческим приёмом» для Сосноры в качестве такового выделяет именно сарказм (*Новиков В.* Литературные медиаперсоны XX века : Личность писателя в литературном процессе и в медийном пространстве. М., 2017. С. 5, 161–163).
- ¹⁶ *Бильбасов В.* Шлюссельбургская нелепа. С. 276.
- ¹⁷ [*Шубинский С.*]. Указ. соч. Т. 25. С. 498, 505.
- ¹⁸ *Бильбасов В.* Шлюссельбургская нелепа. С. 274–275.
- ¹⁹ *Бильбасов В.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 337–338.
- ²⁰ Там же. С. 339.
- ²¹ Там же. С. 333.
- ²² *Бильбасов В.* Шлюссельбургская нелепа. С. 273.
- ²³ [*Шубинский С.*]. Указ. соч. Т. 25. С. 505.
- ²⁴ В подцензурном «Историческом вестнике» содержится осторожное предположение: «Так как Власьеву и Чекину, да и самой Екатерине II не было нужды клепать на убитого, то остается предположить, что этот порок, если он действительно существовал, развился в последние два года жизни Ивана, быть может, внезапно, вследствие какого-либо испуга» (*Бильбасов В.* Шлюссельбургская нелепа. С. 273–274). Но «История Екатерины Второй» не оставляет сомнений в истинной позиции учёного: вышеприведённые суждения подаются как версия (с конструкциями «казалось бы», «оставалось бы предположить»), которая затем решительно «опровергается сохранившимися рапортами за 1762–1764 годы <...> в них ни о чем подобном не упоминается» (*Бильбасов В.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 335).
- ²⁵ *Бильбасов В.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 340.
- ²⁶ Там же. С. 365.
- ²⁷ Там же. С. 340.
- ²⁸ *Новиков В.* Монолог трагика // Лит. обозрение. 1988. № 10. С. 38–39.
- ²⁹ [*Шубинский С.*]. Указ. соч. Т. 25. С. 504.
- ³⁰ *Бильбасов В.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 339.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 341.
- ³³ Там же. С. 342.
- ³⁴ Там же. С. 343.
- ³⁵ Особый интерес здесь представляет статья «Аттестат безумия», напечатанная в качестве приложения ко второму тому «Истории Екатерины Второй». В ней полностью приводится и подробно рассматривается написанный якобы Власьевым и Чекиным документ, характеризующий умственные способности Иоанна. Бильбасов доказывает, во-первых, что этот текст составлен слишком «ловко», чтобы принадлежать грубым и малограмотным надзирателям, а во-вторых, обращает внимание на то, что он, скорее всего, был изготовлен уже после официального манифеста о смерти Иоанна, в сходных выражениях. Это, по мнению историка, доказывает его предназначение – задним числом оправдать бесчеловечное обращение с бывшим императором.
- ³⁶ *Бильбасов В.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 336.
- ³⁷ [*Шубинский С.*]. Указ. соч. Т. 24. С. 503.
- ³⁸ *Бильбасов В.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 399.
- ³⁹ Там же. С. 400.
- ⁴⁰ Там же. С. 403.

Образец для цитирования:

Биткинова В. В. «Две маски» Иоанна Антоновича в эссе Виктора Сосноры: принципы авторской интерпретации исторических и историографических источников // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 331–337. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-331-337.

Cite this article as:

Bitkinova V. V. 'Two Masks' of Ioann Antonovich in Viktor Sosnora's Essay: Principles of the Author's Interpretation of Historic and Historiographic Sources. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 331–337 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-331-337.